

Стоило Гоуданю выйти, как Вань Чэнцай принялся злобно зыркать на Ли Цимэй — мол, погоди у меня, мы еще посчитаемся.

Пока Чэнцай молчал, он казался вполне приличным человеком, да и лицом бог не обидел. Но стоило ему открыть рот, как наружу так и лилась грубость да неотесанность. По натянутым лицам пришедших с ним односельчан из деревни Ваньцзя было ясно: парень он паршивый и в своей деревне всех допек. Терпели его, видать, только из уважения к родителям. Что ни говори, а родиться в семье работающих и уважаемых людей — великая удача.

— Честное слово, будь у меня сестра и вздумай она выйти за такого ублюдка, я бы его своими руками прибил, пускай лучше вдовой ходит, — вполголоса заметил Гоудань.

— Ну и глупости ты говоришь, — отозвался Ван Сюань. — Твоя тетка ведь сама его выбрала.

— Вот я и говорю: вкус у нее хуже некуда. Кроме смазливой рожи, в нем и разглядеть-то нечего.

— Красивое лицо — тоже достоинство, знаешь ли.

В свое время старая госпожа Ли забракowała кучу женихов, которых приводили к ее младшей дочери на смотрины. Мать всем сердцем желала дочке счастья, и винить ее в этом нельзя. Да только разве можно смотреть лишь на достаток? Нужно ведь и на самого человека глядеть, и на то, как его родня к людям относится.

Ван Сюань проводил по линейке ровную черту на бумаге.

— Разве до свадьбы легко человека раскусить? Если уж не повезет наткнуться на такого паршивца, который кулаками машет, то что поделать? Ладно, забудь. Наш-то дом как строить будем? В один этаж или в два?

— Давай пока в один, — предложил Гоудань. — Но лестницу наверх сразу заложим, чтобы потом, если понадобится, надстроить второй. А то если сразу махину отбухаем — слишком много внимания привлечем. Завистники замучают, да и родственники начнут без конца за деньгами бегать. Нас пока всего трое, комнат много не надо. Лучше сделаем их просторнее.

Проектировщики из них были те еще — любители. Они просто набросали на бумаге стороны света и примерное расположение комнат, обозначив их линиями и квадратами.

— Хорошо бы еще нанять людей колодец выкопать, — задумчиво произнес Ван Сюань. — Отец каждый день воду на коромысле таскает, спину совсем сорвал.

— И туалет нормальный нужен.

— Сделаем. Только у нас тут не город, канализации нет, так что уборную обустроим с подветренной стороны, с глубокой выгребной ямой. И еще: пока другие селяне не начали здесь строиться, надо подать заявление в производственную бригаду на расширение наших участков. Поставим новый дом прямо на прирезанной земле — вот здесь и здесь. Тогда старая лачуга останется целой, и нам будет где жить, пока идет стройка.

Гоудань уверенно ткнул пальцем в чертеж.

По этому плану новый дом ложился аккуратно слева от старого, шагах в семи-восьми. А старую избушку потом можно будет хоть снести, хоть под сарай приспособить.

— Только одних наших разговоров мало, — вздохнул Ван Сюань. — Когда до дела дойдет, понадобится настоящий чертеж. Деревенские-то строят как? Нанимают местного каменщика, сами месят глину да сушат кирпичи-сырцы. Для простой халупы это сойдет, но мы-то хотим крышу-террасу под будущую надстройку, тут железобетонный каркас нужен. А значит, и фундамент закладывать надо совсем другой прочности. Придется искать толковую артель. Сейчас большинство строителей на гособъектах заняты, но есть и частные бригады, у них руки откуда надо растут. Я поспрашиваю людей. Да и стройматериалы в копеечку влетят.

Строить придется из кирпича и цемента. Да и для мебели дерево нужно, а хорошую древесину сейчас днем с огнем не сыщешь. Около деревни остались одни кривые деревца — те, что чудом уцелели во времена великой битвы за сталь. Вымахать-то они вымахали, да только на бревна не годятся. А валить вековые деревья в глухой тайге на склонах гор — дело неподъемное.

— Ладно, спешить нам некуда, управимся потихоньку, — примирительно сказал Ван Сюань.

Стоило Гоуданю услышать эти слова, как он отбросил карандаш и навалился на него всем телом.

— А может, займемся чем-нибудь поинтереснее? А? Мы как из города вернулись — все на сухом пайке сидим.

— С ума сошел! — зашептал Ван Сюань, упираясь руками ему в грудь. — Там же в сенях полно народу! Вдруг кто зайдет... М-м-м...

Договорить ему не дали. Гоудань крепко прижался к его губам, пуская в ход глубокий, жадный поцелуй.

Каждый раз, когда обстоятельства не позволяли зайти дальше, Гоудань так и лип к Ван Сюаню с поцелуями. Он и сам не понимал, почему его так непреодолимо тянет к этому телу. Порой в порыве ласк он осыпал поцелуями его грудь, бедра и нежную кожу с внутренней стороны ног. Гоуданю порой казалось, что он теряет рассудок от этого наваждения: ему хотелось сжимать юношу в объятиях так крепко, словно он пытался вдавить его в себя, растворить в собственной плоти, лишь бы унять эту сводящую с ума жажду.

И ведь ладно бы они были в разлуке! Ван Сюань всегда был рядом, они виделись каждый день, постоянно урывали минуты для тайных ласк, но Гоуданю все было мало. Чувство неутолимого голода не покидало его.

В груди словно сидел дикий зверь, готовый в любой миг сорваться с цепи и разнести все вокруг.

Скажи ему кто раньше, что он станет упиваться чужими поцелуями, он бы только скривился от отвращения. Одно дело — собственный рот, но мешаться слюной с кем-то другим? Да это же грязь несусветная, тошно даже представить!

А теперь он места себе не находил без губ Ван Сюаня. Стоило выдаться свободной минутке, как он тут же тянулся за своей порцией нежности, и только тогда на душе становилось спокойно.

Запустив пальцы в волосы друг друга, они целовались взахлеб, сплетаясь в объятиях и катаясь по теплому кангу. Мешавшие зимние ватники давно полетели на пол. На просторной лежанке не осталось ничего лишнего — только они двое, жадно впитывающие тепло чужого тела.

Наконец Гоудань крепко прижал Ван Сюаня к себе. Слившись в единое целое, они тяжело и часто дышали, а их сердца в прижатых друг к другу грудных клетках колотились мощно, слаженно и быстро.

— Эх, сожрал бы тебя целиком, чтобы мы стали одним человеком, — прошептал Гоудань, зарываясь лицом в его плечо.

Ван Сюань тихо рассмеялся:

— Ну и дурак же ты. Если ты меня съешь, я просто переварюсь и выйду наружу дерьмом. И где тут, спрашивается, вечное единение?

— Тьфу на тебя! — фыркнул Гоудань, не сдержав улыбки. — Обязательно было опошлять? Я же образно говорю! В стихах ведь вечно так пишут — красиво, с преувеличением.

— Я будущий врач, — резонно возразил Ван Сюань. — Пытаться растрогать меня поэзией — все равно что подмигивать слепому в темноте.

— Ах так, господин доктор? А вот у меня, кажется, недуг приключился. Вылечишь?

— И где же болит? Ой, поглядите-ка... Кажется, этот орган совсем испортился, одеревенел весь. Придется резать, — поддразнил его Ван Сюань, ощутиمو сжав ладонью его налившуюся плоть.

Гоудань сдавленно застонал от этой сладкой муки. Его голос, уже наливающийся мужской силой, прозвучал хрипло:

— Не угадал, лекарь. Лечить надо не там, а вот здесь.

Он перехватил руку Ван Сюаня, увлекая ее выше, и с силой прижал к левой стороне груди, где бешено стучало сердце.

— Тут творится что-то странное. Иногда дышать тяжело становится, особенно когда мы вместе. Словно внутри закипает лава и вот-вот хлынет наружу.

У Ван Сюаня жарко вспыхнули щеки, но он послушно приложил пальцы к запястью Гоуданя, проверяя пульс. Ну разумеется, никакой болезнью тут и не пахло. Парень лопался от здоровья — хоть сейчас отправляй в космос, до ста лет без скрипа доживет.

— Глупый ты, это не болезнь, — тихо выдохнул Ван Сюань.

Он ведь и сам чувствовал то же самое. Порой ему казалось, что только в объятиях Гоуданя он обретает покой, и щемящая пустота в груди наконец затягивается. Стоило им обняться — и все тревоги улетучивались, уступая место блаженному облегчению.

Уткнувшись лбом в лоб друг другу и переплетаясь ногами, они тихо лежали, переживая бурю в крови. Давать волю чувствам сейчас было нельзя — неподходящее время и место.

— Когда начнем строиться, надо будет заказать такой проект, чтобы у нас была отдельная двухкомнатная пристройка с собственной дверью, — прошептал Ван Сюань. — Запремся у себя — и делай что хочешь, никто снаружи ни звука не услышит.

Гоудань ласково потерся щекой о его висок.

— Вскоре после начала семестра мне, возможно, придется уехать с Чэн Шу. Он хочет познакомить меня со своими столичными друзьями и говорит, что через Особую зону можно перебраться на ту сторону моря. Я долго думал и решил, что упускать такой шанс нельзя. Туда ведь просто так не попадешь. Вот и согласился.

— Может, поедем вместе? — Гоудань очень хотел показать Ван Сюаню этот другой, манящий своей роскошью и блеском мир.

— Посмотрим, что скажет наставник, — вздохнул Ван Сюань. — Не знаю, какие у него на меня планы после начала учебы. Если не отпустит, я останусь приглядывать за делами здесь. На каникулах буду приезжать, проверять, как продвигается стройка.

— Хорошо.

— Ты только не наберись там дурных привычек, — с легкой тревогой в голосе произнес Ван Сюань. — Я знаю, что с золотой молодежью ухо надо держать востро. Не пытайся подстраиваться под них во всем.

Среди избалованных деток из приличных семей хватало всяких: были славные ребята вроде Чэн Шу, но встречались и отпетые мерзавцы, готовые на любую подлость.

— Не переживай, я буду начеку. Если увижу, что человек гнилой, сразу прекращу всякое общение. Мне чужие грехи на себя брать неохота.

Лю Юань в свое время не пожалел сил, наставляя Гоуданя. Узнав, что тот начал общаться с Чэн Шу, он подробно расписал ему, как вести себя с подобными людьми, привел кучу примеров и предостерег от опасных ошибок. Он очень не хотел, чтобы способный парень оступился или, что еще хуже, стал для кого-то пешкой в чужой игре.

Гоудань и сам уже успел повидать высокомерных и заносчивых выскочек. В общении с ними он всегда благоразумно прятал когти, стараясь не нарываться на неприятности.

Надо признать, за последние полгода в столице Гоудань повзрослел больше, чем за всю прошлую жизнь. Новое окружение творит чудеса.

Даже отец, Ли Сы, поражался тому, каким сговорчивым стал его сын. Раньше тот и на порог бы не пустил оскандалившуюся Ли Цимэй, выставил бы взашей без лишних разговоров, а теперь — гляди-ка, приютил. Старик Ли Сы лишь утверждался в мысли, что учеба облагораживает человека. Прежде Гоудань рос сущим деспотом, а теперь превратился в разумного, понимающего парня.

Полгода в Столице научили его уступать, идти на временные компромиссы и хладнокровно выжидать. Он даже пристрастился играть с дедушкой Цинем, перенимая его мудрость. Умение просчитывать ходы наперед оказалось полезным искусством не только на доске, но и в жизни.

Не зря древние говорили: чтобы набраться ума, нужно исходить тысячу дорог. Когда видишь мир и общаешься с самыми разными людьми, кругозор расширяется, и тебя уже ничем не удивить. Ты учишься анализировать чужие поступки и извлекать выгоду даже из самых сложных ситуаций.

Гоудань на собственном опыте познал прелесть этой житейской мудрости.

— А вот ты, как ушел в свою медицину, совсем про меня забыл, — притворно надулся он. — Из дома носа не кажешь, все корпишь над рецептами да историями болезней. Учеба учебой, но нельзя же так зарываться в книги. Еще превратишься в бледного сухаря, что я делать буду?

— Вернемся в город — обязательно скажи наставнику, что тебе нужен перерыв. Если побоишься, я сам поговорю с мастером Цинем. Познавать мир — это тоже своего рода духовная практика.

Ван Сюань весело фыркнул. Он ласково погладил Гоуданя по щеке, а затем шутливо потянул за ухо:

— Думаешь, я не понял, к чему ты клонишь? Хитрюга...

— Какая еще хитрость? — запричитал Гоудань, изображая крайнюю степень обиды. — Я просто хочу, чтобы мы почаще бывали вместе. А ты ко мне совсем охладел, внимания не уделяешь.

— Разве мы сейчас не вместе? Разве это не внимание?

Поскольку теплые ватники валялись на полу, они поплотнее натянули на себя тяжелое ватное одеяло и принялись вполголоса болтать о всяких пустяках. О гостях, собравшихся на половине Ли Сы, парни напрочь позабыли. Когда отец заглянул к ним, чтобы позвать к столу, оба уже спали безмятежным сном, уткнувшись друг другу в макушки.

Ли Сы не поднялась рука разбудить уставших ребят. Он лишь тихонько подбросил в печурку под кангом несколько сухих узловатых корней, чтобы лежанка подольше держала тепло, и бесшумно прикрыл за собой дверь.

<http://bllate.org/book/19654/1996808>